

РЕЦЕНЗИИ

Lehmann, J. Russische Literatur in Deutschland. Ihre Rezeption durch deutschsprachige Schriftsteller und Kritiker vom 18. Jahrhundert bis zur Gegenwart / J. Lehmann. – Stuttgart: Verlag J.B. Metzler, 2015. – 417 S.¹

Систематическое изучение литературных взаимосвязей – сравнительно молодая отрасль литературоведения, хотя сами эти взаимосвязи прослеживаются в рукописных и печатных источниках и даже в устном народном творчестве [1]. Вообще взаимный интерес народов друг к другу обнаруживается уже в глубокой древности и является неотъемлемым свойством развития человеческой цивилизации, – и это даже независимо от того, в каких разнообразных и причудливых формах этот процесс протекал на протяжении обозримой человеческой истории, где сквозь господствовавшую оппозицию «свой – чужой» постепенно пробивались крохотные ростки взаимопонимания и взаимоуважения, усиливаясь и ослабевая по самым различным (объективным и субъективным) причинам в разные исторические периоды. Поэтому каждый историк литературы, даже если он начинает свои исследования с углубления в какую-то одну национальную литературу, рано или поздно подходит к пониманию того, что многие явления национальной литературы, равно как и творчество отдельных писателей, не поддаются адекватному описанию и объяснению только в рамках данной национальной литературы, но настоятельно требуют сопоставления с аналогичными процессами и явлениями, имевшими место в других национальных литературах. И это относится не только к истории литературы, но и к истории языка, и к истории культуры в целом [2]. Сравнительное изучение языков уже в XIX веке привело к выявлению родственных языковых групп (германские языки, романские языки, славянские языки и т.д.) и к выявлению их общей родословной в индоевропейской языковой общности (Ф. Бопп и др.); в сравнительной мифологии, неизбежно связанной с обращением к разным языкам и текстам, обнаружились удивительные схождения древних мифических представлений даже весьма удаленных друг от друга народов о происхождении мира, жизни на Земле, происхождении богов и героев и их функций вплоть до истолкования происхождения различных обрядов и обычаев (Я. Гримм. *Немецкая мифология*, 1835). Изучение литературных взаимосвязей и взаимоотношений во всей их многогранности, многоаспектности и важности по существу начинается только в рамках культурно-исторической школы да и то поначалу с отчетливой практической установкой – для выявления оригинальности и неповторимого своеобразия своей собственной национальной литературы (В. Шерер и др.). Углубление методологических основ культурно-исторической школы (И. Тэн и др.) происходит в тесном сотрудничестве с позитивистской наукой, что в самой литературе так или иначе усиливает реалистические тенденции, а в литературоведении способствует становлению сравнительно-исторической школы (А.Н. Веселовский и др.). При этом всегда необходимо помнить, что сами писатели в своем творчестве нередко опережают теорию, – к примеру, проблема «типического характера» и «типических обстоятельств» привлекла внимание писателей (Бальзак, Диккенс, Теккерей и др.) значительно раньше, чем стал оформляться сам термин «реализм». На начальных этапах становления сравнительно-исторического литературоведения получили разработку проблемы влияний и заимствований (в статьях и книгах братьев Веселовских и др.), параллельно с этим обсуждались вопросы типологических схождений и расхождений отдельных сюжетов и отдельных литератур, замечались черты близости отдельных авторов. В то же время сами писатели и литераторы стали обращаться к некоторым важным проблемам, относящимся к области сравнительного литературоведения, значительно раньше профессиональных литературоведов. Например, в 1838 году в Германии была опубликована статья Фарнгагена фон Энзе о Пушкине, в которой речь шла не только о признании выдающегося места Пушкина в истории русской литературы, но гораздо о большем – о том, что в лице Пушкина русская литература вышла уже и на всемирно-исторический уровень [3]. Не менее показателен пример из французской литературы: с конца 1840-х годов и до конца своей жизни крупнейшим пропагандистом (и переводчиком) русской литературы становится Проспер Мери́ме (1803–1870), который не только переводит на французский язык Пушкина, Гоголя, Тургенева, но и пишет многочисленные статьи о них и о русской литературе в целом. Академическое литературоведение к подобным проблемам подходит лишь постепенно в XX веке [4]. И все же с конца XIX века внимание ученых к различным аспектам литературных взаимосвязей стремительно возрастает, возрастает источниковедческая и фактологическая база для сравнительно-исторических исследований: публикуются и переводятся не только произведения, но и письма, дневники, мемуары; появляются обобщающие исследования о рецепции творчества крупнейших писателей (Гёте, Шиллер, Гофман, Гейне и др.) в русской литературе [5]. Всё это очень отрадно и в то же время лишь с очевидностью подчеркивает, насколько много еще предстоит работы, чтобы написать комплекс-

¹ Отсылки к рецензируемому изданию даются в тексте в круглых скобках с указанием страниц.

ное полномасштабное исследование о литературных взаимосвязях даже двух национальных литератур – русской и немецкой.

В качестве обнадеживающего побудительного примера для дальнейших исследований необходимо обратить внимание на итоговую монографию Юргена Лемана «Русская литература в Германии. Ее восприятие немецкоязычными писателями и критиками с XVIII века до современности», изданную в 2015 году в авторитетном издательстве «Метцлер». Ю. Леман – известный славист, уже несколько десятилетий разрабатывающий самые различные аспекты немецко-русских и русско-немецких литературных взаимосвязей Нового времени, что прекрасно просматривается в собранной им обширной библиографии по теме (с. 359–401), включающей 775 наименований книг и статей, посвященных рецепции русской литературы в Германии (а фактически также в Австрии и Швейцарии). Эта книга – настоящий подарок для всех, кто активно занимается или даже просто интересуется данной проблематикой. Книга построена весьма продуманно, с привлечением необходимого исторического и политического контекста, и при чтении, может быть, больше всего поражает то, что, вмещая огромное количество конкретных фактов, имен и названий, она отнюдь не превращается в назойливый реестр, а читается как связное и плавно идущее увлекательное повествование. Искусство автора состояло в тщательном отборе фактов, в умелом чередовании энциклопедической и исследовательской формы подачи материала. Отдельные разделы и параграфы посвящаются тем крупным авторам, для которых рецепция русской литературы имела судьбоносный или по крайней мере этапный смысл: Г. Гауптман, Т. Манн, Р.М. Рильке, Г. Гессе, Ф. Кафка, Б. Брехт, П. Целан, Т. Бернхард, Г. Бёлль, А. Зегерс, Х. Мюллер, К. Вольф, Ф. Браун и так далее, оказывается, таких писателей было немало. Но Ю. Леман во введении недвусмысленно подчеркивает, что он и не ставил своей целью дать весь спектр рецепций и рецепиентов, – он стремился выделить важнейшие тенденции и проиллюстрировать их на конкретных примерах. При этом видно стремление к объективности, например, в анализе «русских» романов Э. Двингера (с. 193–194). О научной добросовестности автора свидетельствует и то, что он сам оговаривает, какие проблемы и аспекты он сознательно опустил из рассмотрения в своей книге. Обширный именной указатель позволяет использовать книгу как справочник. Особенно утешительно звучат слова Ю. Лемана, сказанные во введении: «Перед каждым, кто обращается к истории русской литературы в Германии, Австрии и Швейцарии, открываются огромные возможности для новых открытий и новых оценок» (с. 6).

Безусловно, исследование Юргена Лемана заслуживает гораздо более подробного анализа, чем это возможно в рамках скупой журнальной рецензии. Скорее, это своеобразная реклама, попытка привлечь внимание к книге, не заметить которую серьезный специалист просто не имеет права. Кроме того, я хотел воспользоваться случаем, чтобы обратить внимание на то, что в условиях неизбежно идущих процессов глобализации (с одной стороны) и одновременно активно идущих в науке процессов *историзации* научного знания (с другой стороны) углубленное изучение самых различных форм взаимосвязей и взаимодействий в сфере литературы (и культуры в целом) приобретает всё более важное и очевидное значение и на наших глазах преобразуется в фундаментальное и неизбежно необходимое научное направление. Юрген Леман, хотя прямо подобных мыслей не декларирует, но постоянно на разных страницах выходит за пределы узко и определенно поставленных целей и демонстрирует внимание к более широкому европейскому контексту.

Так, например, в открывающем исследование небольшом параграфе «Первые контакты в период между Киевской Русью и началом XVIII века», занимающем всего три страницы, ему удается не только упомянуть важнейшие факты, но ввести некоторые из них в европейский контекст. Для наглядности хочу сопоставить фрагмент своего текста с фактами, приведенными Леманом.

«Круг дипломатических и культурных контактов с Германией в XVI–XVII веках заметно расширился. Ярким примером, подтверждающим это, служат две поездки в Россию (1517, 1526) немецкого дипломата барона фон Герберштейна (1486–1566), в результате которых он написал обширное сочинение «Записки о московитских делах» (*Rerum Moscoviticarum Commentarii*, 1549), которое еще при его жизни несколько раз переиздавалось, затем было переведено на немецкий и на другие языки и до сих пор сохраняет не только историческое, но и научно-источниковедческое значение. (Правда, на русский язык текст был полностью переведен с немецкого издания только в 1908 году.)» [1, с. 6].

«В то же время уже в средние века посланцы немецких императоров ездили в Россию. Первые важные сведения о Русском царстве привозили купцы и дипломаты, как, например, барон Сигизмунд фон Герберштейн (1486–1566), который дважды посетил Россию по поручению императоров Максимилиана I и Карла VII (1516–1518); (1526–1527). В его книге, опубликованной в 1549 году и позднее распространявшейся во всей Европе, благодаря переводам на английский, французский и итальянский языки (*Rerum Moscoviticarum Commentarii*, первое немецкое издание *Moscovia der Hauptstat in Reissen*, 1557), он не только подробно и дифференцированно сообщает о географических, социальных, религиозных и управленческих особенностях России, но также о русском языке и литературных памятниках в форме летописей, церковных текстов и так далее, и помещает в текст сравнительно точную географическую карту

России, а также план Москвы. Эта книга была очень популярна вплоть до XVIII века во всей Европе, много раз переиздавалась; многочисленные сообщения о России раннего Нового времени опираются на описания Герберштейна» (с. 13–14).

Из сравнения приведенных текстов для меня очевидно, что книга Герберштейна заслуживает гораздо более внимательного отношения не только в рамках изучения немецко-русских взаимосвязей, но и в рамках исследования общеевропейских культурных связей.

И еще два размышления, возникшие в связи с рецензируемой книгой.

1) Юрген Леман использует (и приводит в библиографии) только источники на немецком языке, опубликованные в Германии. Таким образом, в библиографию попали работы ряда российских исследователей, опубликованные в Германии (Лев Копелев и др.). Никакие другие многочисленные работы российских исследователей, посвященные рассматриваемым проблемам, ни в библиографию, ни в текст не попали, что, на мой взгляд, несколько ослабляет весомость научных выводов, которые, несомненно, возникли бы при условии привлечения (хотя бы частичного) иноязычных, в том числе и российских работ, относящихся к данной тематике.

2) Второе, важное для меня соображение, относится к фактически полному игнорированию автором литературы немецких граждан славянского происхождения, а именно серболужичан. Лужицкие сербы были покорены германцами уже в X веке и с тех пор никогда не имели другого гражданства, кроме немецкого. При всей дискриминации, которой они подвергались в течение всей немецкой истории, они сумели сохранить свой язык и создать интересную литературу. При этом им в разные исторические периоды приходилось пользоваться латинским, немецким и серболужицким языками, чаще всего они прибегали к немецкому языку в периоды запретов на родной язык. Произведения некоторых авторов, писавших и на немецком языке (Хандрош Тара) вошли даже в историю немецкой литературы. В послевоенной немецкой литературе (ГДР) многие авторы писали и издавали свои произведения как на немецком, так и на серболужицком языках (Юрий Брезан, Юрий Кох, Кито Лоренц, Ангела Стахова и многие другие). Произведения этих авторов нередко получали общеевропейский резонанс. Все они были гражданами ГДР, а после присоединения ГДР к ФРГ, стали гражданами ФРГ. Однако из всех этих немецких славянских писателей автор упоминает только Юрия Брезана (с. 237). Это вызывает у меня вопросы, поскольку именно жизнестойкость серболужицкого этноса, сумевшего в течение тысячи лет сохранить свой национальный язык, свои традиции и обычаи и создать интересную национальную литературу, в свое время привела меня в восхищение и заставила надолго погрузиться в проблематику малых этносов, национальных меньшинств и – в конечном итоге – заметно скорректировала мои взгляды на «большие» и «малые» литературы, и на историю мировой литературы в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. См. примеры в первых разделах очерка: Гугнин, А.А. Краткий очерк истории русско-немецких и немецко-русских литературных связей / А.А. Гугнин // Романо-германская филология. Контексты культуры и литературные связи: международный сборник научных статей / Полоц. гос. ун-т ; редкол.: А.А.Гугнин (отв.ред.) [и др.]. – Новополоцк, 2017. – С. 3–38.
2. См. в этой связи великолепное комплексное исследование: Топоров, В.Н. Мировое дерево: Универсальные знаковые комплексы / В.Н. Топоров. – М. : Рукописные памятники Древней Руси, 2010. – Т. 1–2.
3. von Ense, V. Сочинения Александра Пушкина. Т. I–II. – СПб., 1838 / V. von Ense // Jahrbücher für wissenschaftliche Kritik. – 1838. – № 61–64. – S. 481–511. О судьбе поэзии Пушкина в Германии см.: Raab, H. Die Lyrik Puškins in Deutschland (1820–1870) / H. Raab. – Berlin : Akademie-Verlag, 1964. – 209 S.
4. Гугнин, А.А. Несколько общих замечаний к проблематике изучения русско-немецких литературных взаимосвязей / А.А. Гугнин // Россия – Германия: литературные встречи (1880–1945) ; отв. ред. Т.В. Кудрявцева. – М. : Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН, 2017. – С. 14–23. В данной статье я попытался на основе многолетних занятий различными аспектами русско-немецких и немецко-русских литературных связей составить перечень насущно необходимых задач, дальнейшая разработка которых должна вывести эту важную область исследований на новый научный уровень. В названной статье я затрагиваю только двусторонние (русско-немецкие и немецко-русские) литературные отношения. Но научная разработка комплекса двусторонних отношений с неизбежностью заставит вывести анализ на весь европейский литературный контекст, для чего могут понадобиться и новые методологические разработки и подходы... Разумеется, данный тезис не отвергает всего ценного, что создано за многие десятилетия развития сравнительно-исторического литературоведения. Как пример приведу только фундаментальное исследование: Алексеев, М.П. Русско-английские литературные связи (XVIII век – первая половина XIX века) / М.П. Алексеев // Литературное наследство. – М. : Институт мировой литературы им. А.М. Горького, 1982. – Т. 91. – 859 с. В данном случае ссылка на фундаментальное исследование академика М.П. Алексеева важна еще и как свидетельство одного из крупнейших специалистов по международным связям русской литературы, пришедшего к выводу, что «непосредственные источники» театра Петра I (как и первые пьесы театра Алексея Михайловича) «как будто и на этот раз были немецкие» (с. 72), и что «английские драматические сюжеты» приходили в Россию в конце XVII века через «немецкое посредство» (с. 105).

5. Приведем лишь несколько показательных примеров: Жирмунский, В.М. Гёте в русской литературе / В.М. Жирмунский. – Л. : Гослитиздат, 1937. – 674 с., 2-е изд. 1981. – 558 с.; Житомирская, З.В. Иоганн Вольфганг Гёте. Библиографический указатель русских переводов и литературы на русском языке. 1780–1971 / З.В. Житомирская. – М. : Книга, 1972. – 615 с.; Фукс-Шаманская, Л.П. Фридрих Шиллер и русский шиллеризм. Рецепция творчества Фридриха Шиллера в России 1800 – 1820 годов / Л.П. Фукс-Шаманская. – М. : Спутник+, 2009. – 156 с. См. также обобщающую монографию: Данилевский, Р.Ю. Шиллер и Россия / Р.Ю. Данилевский. – СПб. : Пушкинский Дом, 2013. – 656 с.; Ботникова, А.Б. Э.Т.А. Гофман и русская литература / А.Б. Ботникова. – Воронеж : Изд-во Воронежского университета, 1977. – 206 с.; Э.Т.А. Гофман: Библиография русских переводов и критической литературы / сост. З.В. Житомирская. – М. : Книга, 1964. – 132 с., а также дополнения к нему в кн.: Художественный мир Э.Т.А. Гофмана / сост. Г.А. Шевченко. – М. : Наука, 1982. – С. 288–292. Некоторые новые материалы по истории восприятия творчества Гофмана в России см.: В мире Э.Т.А. Гофмана : сб. ст. / глав. ред. В.И. Грешных. – Калининград: Гофман-центр, 1994. – Вып. 1; Серапионовы братья: Гофман Э.Т.А. Серапионовы братья; «Серапионовы братья» в Петрограде: Антология / сост., предисл., коммент., подготовка текста А.А. Гугнина. – М. : Высш. шк., 1994. – 736 с.; Гордон, Я.И. Гейне в России (1830–1860-е годы) / Я.И. Гордон. – Душанбе : Ирфон, 1973. – 360 с.; Гордон, Я.И. Гейне в России (1870–1917) / Я.И. Гордон. – Душанбе : Дониш, 1979. – 274 с.; Гордон, Я.И. Гейне в России. XX век / Я.И. Гордон. – Душанбе : Дониш, 1983. – 431 с.; критический анализ этого большого труда см.: Гугнин, А.А. Проблемы изучения и издания Гейне (Критико-библиографические заметки) / А.А. Гугнин // Вопросы литературы. – 1985. – № 11. – С. 247–257; см. также раздел о Гейне (4 статьи) в кн.: Гугнин, А.А. Немецкая литература XIX века: от романтизма до бидермайера. Статьи, переводы, комментарии, библиография / А.А. Гугнин. – Новополоцк – Москва, 2002. – Вып. первый. – 238 с. – (Материалы Научного центра славяно-германских исследований).

*д-р филол. наук, проф. А.А. Гугнин
(Полоцкий государственный университет)*